
УДК 008

Суворов Дмитрий Владимирович

канд. культурологии, доцент факультета бизнеса
и управления Гуманитарного университета
(г. Екатеринбург).
E-mail: dmitrij_suvorov_60@mail.ru

Suvorov Dmitriy Vladimirovich

Candidate of Culturology, Associate Professor
at Business and Management Department,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**ЭПОХА СТАНОВЛЕНИЯ
И КРИСТАЛЛИЗАЦИИ
ТОТАЛИТАРИЗМА В СССР
И ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ**

**THE USSR TOTALITARIAN
ESTABLISHMENT EPOCH
AND MODERNIZATION
CHALLENGES**

Аннотация

Статья Д. В. Суворова посвящена исследованию своеобразия цивилизационного развития России и российских модернизационных процессов. В работе рассматривается специфика процессов, происходивших в СССР в эпоху кристаллизации тоталитарного режима, в ракурсе преобладания в характере этих процессов модернизационных или антимодернизационных тенденций. «Сталинский» период отечественной истории квалифицируется как «псевдомодернизация», с противоречивым сочетанием черт раннеиндустриальной модернизации и архаической регенерации.

Ключевые слова: модернизация; архаическая регенерация; социализм, тоталитаризм, аксиология, «ложная урбанизация», хронотоп, потестарная формация, этатизм.

Abstract

D. V. Suvorov's article presents the research of the unique Russian civilization development and its modernization processes. The USSR totalitarian establishment processes and their peculiarities are examined from the modernization or anti-modernization dominating trends perspective. The Stalin's period of our history qualified as «pseudo-modernization» is characterized by a contradictory combination of «early modernization» and «archaic reproduction» features.

Keywords: modernization; archaic regeneration; socialism; totalitarianism; aksiology; «false urbanization»; the chronotop; potestar formation; etatism.

*С Россией произошла страшная катастрофа.
Она ниспала в темную бездну...
Болезнь русского нравственного сознания
была слишком долгой и серьезной.
Излечение может наступить лишь после
страшного кризиса, когда весь организм русского
народа будет близок к смерти.*

Н. Бердяев. Духи русской революции

Чудище обло, огромно, озорно, стозевно и лаяй...

В. Тредиаковский

I

Вопрос о существенных характеристиках сталинской цивилизационной социально-политической и социокультурной модели – один из самых активно обсуждаемых в отечественной литературе, и дискуссии на эту тему не утихают уже не первое десятилетие. В рамках данной статьи нас интересует один конкретный аспект проблемы: как сталинская теория и практика государственного и социально-

го строительства соотносится с концептом «модернизация»? Проще говоря, вопрос ставится так: можно ли считать сталинские преобразования советского общества модернизацией или нет? Суть в том, что именно по отношению к последнему исторический опыт 30–50-х гг. оценивается разными авторами полярно противоположным образом (и данное положение детерминируется отнюдь не только сугубо научным интересом – споры о сущности сталинской модели неизбежно детонируют в область социально-политической диагностики и прогностики по отношению к современному состоянию российского социума).

Для того чтобы разобраться в проблеме и сделать собственные выводы, необходимо, во-первых, вспомнить основные концептуальные положения теории модернизации; во-вторых, соотнести их с теми историко-культурными реалиями, которые мы наблюдаем в эпоху кристаллизации в СССР тоталитарной империи. Пока же сделаем некоторые предварительные наблюдения.

Во-первых. Не случайно проводимая с 1928 г. политика свертывания нэпа получила официальное название СЭП («старая экономическая политика», старая по отношению к нэпу – т. е. «военный коммунизм»!).

К тому же, по мнению В. Ильина, А. Панарина и А. Ахиезера, «не эффективная гетерогенная либеральная экономика, а эффективная гомогенная политическая репрессия стала рычагом поддержания целостности общества» [5. С. 110]. Последнее, по В. Скоробогачкому, было детерминировано целым рядом общекультурных моментов: вышеупомянутой «раскрепощенной в годы гражданской войны» стихией нигилизма и маргинализма¹, коллапсом (в те же военные годы) традиционной культуры – чего нэп чисто хронологически не успел самортизировать, инерцией «революционного идеализма» («идеология революционного преобразования общества, в смысловом поле которой причудливо переплетены эсхатологическое ожидание всемирной катастрофы и утопия нового космоса-домогосударства; в мире новой идеологии социальная идея получает онтологическое значение силы, непосредственно господствующей над индивидом... здесь же система идей выстраивается вокруг новой сверхценности – власти как воли к власти») [11. С. 41]. Данная констатация крайне знаменательна: если практика нэпа была воплощением политического и экономического реализма (и поэтому направлена в будущее), то поворот к СЭПу являлся (даже номинативно) откровенно регрессивной «романтической» реакцией на «неудобную» реальность – в альтернативе между «жизнью» и «виртуальностью» выбор был сделан в пользу «псевдореального», «разыгрываемого в формах самой жизни» (но не являющейся таковой, по определению В. Скоробогачко). Все вышесказанное и позволило – с полным пренебрежением к классической марксистской максиме – «попрать сознанием бытие» (выражение из «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына) и осуществить демонтаж нэпа с последующим структурированием классической тоталитарной модели – «приведением масс в состояние автотеррора» [5. С. 110] (по язвительному выражению К. Каутского, «стрелять – вот альфа и омега административной мудрости коммунистов») [12. С. 532].

Во-вторых. Само понятие «социализм», с помощью которого совершалось противопоставление советской модели всему окружающему миру, крайне расплывчато. Как точно отмечал М. Малиа, «термин "социализм" уникален тем, что не соответствует ни одному опознаваемому объекту в подлунном мире, относительно природы которого все наблюдатели могли бы прийти к согласию. Разумеется, явилось много ложных объектов или временно убедительных фантомов, но ни один из них не породил того единства мнений, которое возможно лишь при эмпи-

¹ Диагностически точно показан этот момент в рассказе А. Н. Толстого «Гадюка».

рической проверке. Поэтому полная реальность социализма относится исключительно к области веры – "веры в невиданное, надежды на непознанное"... Термин "социализм", строго говоря, не означает ничего. Во-первых, это понятие бессмысленно в силу своей внутренней природы, ибо предлагаемая им экономическая программа – огосударствление – не реализует и не способна реализовать заложенный в нем моральный идеал – равенство – таким образом, чтобы возник узнаваемый истинный социализм. Во-вторых, оно бессмысленно исторически, ибо присваивалось столь многими взаимонесовместимыми общественными формациями, что утратило всякую конкретность. Поэтому, когда люди исповедуют социализм, мы никогда не знаем, что же именно они имеют в виду и чего от них можно ожидать, приди они к власти» [8. С. 32]. (Здесь М. Малиа не прав: можно четко предсказать, чего от «них» ждать у власти – антилибертенских тенденций!) Единственное во всех отношениях уникальное определение социализма сделал Ленин, определив его как... государственный капитализм (по Ленину, «между госкапитализмом и социализмом нет никаких промежуточных ступеней»). В такой редакции абсурдной становится самая главная посылка всех социалистических учений – борьба с «эксплуататорами», поскольку государство, будучи полным монополистом, становится самым жестоким эксплуататором за всю мировую историю.

Как видим, теоретической ясности в вопросе, что же именно замыслили строить «крестные отцы» советского коммунизма (и, тем более, что из этого получилось), не наблюдается. Единственное, что четко вырисовывается уже «на подходе» к проблеме, – это непростые взаимоотношения сталинской практики с категориальным аппаратом «классического» марксизма и с понятием «прогресс» (в любом его понимании). В связи с этим необходимо разобраться в самом концепте «модернизация».

II

Согласно определению Д. Лернера – одного из первых исследователей, изучавших данную проблему, – модернизация есть «процесс социального изменения, при котором менее развитые общества приобретают черты, характерные для более развитых» [4. С. 678]. Близкое определение дает В. Федотова: «Модернизация – не просто развитие, а его специфический вид, при котором осуществляется переход от традиционного общества к современному» [17. С. 65]. У Ю. Солонина и М. Кагана формулировка данного понятия дается более расширительно (применительно к культурным процессам): «...модернизация – это изменения инновационного порядка, которые происходят в культурном образовании любого порядка. Модернизации... противостоят обратные тенденции – "консервация" и "традиционность" («традиционализм»). В любой культуре прошлого и настоящего присутствуют оба момента» [7. С. 194]. По мысли упомянутых авторов, в области культуры (т. е. в области широко понимаемой деятельности человека в целом) модернизация как процесс есть естественное явление. Данная мысль становится еще более понятной, если вспомнить известную констатацию Г.-Г. Гадамера о традиции как о статике внутри постоянного процесса изменения.

В более узком смысле слова понятие модернизации уже локализуется именно применительно к конкретным стадиям социально-экономического и социокультурного развития. По словам Ю. Солонина и М. Кагана, «модернизация – ... это процесс приведения того или иного конкретного социального образования в соответствие с современными нормативными, т. е. ценностными, представлениями о формах и методах культурной практики, доминирующей в человеческом сообществе сегодня» [Там же]. По мысли Г. Е. Зборовского, «модернизацию имеет смысл рассматривать как инновацию или совокупность инноваций, которые приводят к существенным изменениям социальных процессов... речь идет о совокупности

перемен, происходящих в процессе индустриализации» [4. С. 678–679]. Последнее замечание прямо связывает феномен модернизации с эпохой «индустриального», «машинного» (используя термин Э. Маркаряна) общества или хотя бы с элементами его зарождения; эту же констатацию делает и Н. Смелзер, говоря: «Мы употребляем слово "модернизация" для характеристики сложной совокупности перемен, происходящих почти в каждой части общества в процессе индустриализации» [15. С. 620]².

Что характерно для абсолютно всех определений модернизации (и что принципиально важно для нашего дальнейшего разговора) – данные процессы являются всеобщими и комплексными, охватывающими *всю* совокупность материальных и духовных факторов человеческого бытия (при определенном приоритете именно духовной сферы). Так, Н. Смелзер констатирует: «Модернизация включает постоянные перемены в экономике, политике, образовании, в сфере традиций и религиозной жизни общества; некоторые из этих областей меняются раньше других, но все они в той и иной мере подвержены изменениям» [Там же] (т. е. подчеркивается именно системный характер социальных и духовных трансформаций. – Д. С.)... Исследующие проблему модернизации наблюдают постепенное развитие обширной новой системы социальных структур психологических особенностей. По мере того, как общество становится все более продуктивным и процветающим, усложняется его социальная структура и культура» [Там же. С. 622]. В этом проявляется действие хорошо известных в теории систем принципов – принципа обратных связей (всеобщая взаимозависимость всех системных элементов) и принципа эмерджентности, т. е. возникновения новых свойств и функций при объединении элементов в систему.

В этом контексте логичным представляется следующая, широко известная типология модернизаций:

«- "первичная" (Западная Европа, США, Канада) – охватывает эпоху первой промышленной революции, разрушения традиционных наследственных привилегий и провозглашения равных гражданских прав, демократизации и т. д.;

- "вторичная", "отраженная", модернизация "вдогонку"... – ее основным фактором выступают социокультурные контакты отстающих в своем развитии стран с уже существующими центрами индустриальной (а сейчас и постиндустриальной. – Д. С.) культуры» [10. С. 342–343].

Оба этих типа модернизации описаны П. Штомпкой (модернизация как переход от традиционного общества к современному и как усилия развивающихся сообществ догнать развитые); ученый также упоминает третье значение данного концепта – как синоним любых прогрессивных социальных изменений в любой период человеческой истории (своего рода синоним понятия «прогресс»), но именно данное значение в научной литературе используется редко [21. С. 170–171]. Первые два концепта (присущие научной литературе), естественно, абсолютно несинонимичны понятиям «прогресс» и тем более «эволюция» – это прямо вытекает из вышеприведенных определений модернизации.

И еще: модернизация – процесс не только и не столько материального, сколько духовного характера (и все главные, сущностные узловые точки данного феномена следует искать именно здесь!): как точно выразился А. Зубов, при обсуждении проблем модернизации «в наш дискурс (должен быть) введен элемент аксиологии» [3. С. 25]. Но сам модернизационный феномен по определению противостоит традиционализму, направлен на демонтаж последнего (используя

² При такой постановке вопроса модернизационные процессы логически оказываются связанными с эпохой Нового времени.

дихотомии Ф. Тённиса и А. Ахизера, модернизация направлена к либеральной, посттрадиционалистской цивилизации): поэтому любые (даже системные) изменения в обществе, имеющие протрадиционалистский, антилиберальный характер, в качестве модернизации рассматриваться не могут.

III

Теперь рассмотрим сущностные характеристики сталинской эпохи сквозь призму всего вышеизложенного.

Период 1928–1953 гг., как известно, был временем торжества и наивысшего расцвета тоталитаризма в истории России. Несмотря на многочисленные разногласия и разночтения в понимании тоталитарного феномена в научной литературе, практически все авторы единодушны в одном: сталинский опыт построения тоталитарного социума был, есть и остается классическим, наиболее полным выражением тоталитаризма.

Прежде всего бросается в глаза именно тотальность, комплексность всех принимаемых Сталиным и его окружением мер. Генеральной стратегией становится последовательное и неуклонное взятие под контроль всех без исключения сторон общественной и приватной жизни.

Затем. Как известно, в годы первых пятилеток в СССР была проведена в жизнь грандиозная программа индустриализации и ремилитаризации, превратившая страну в 40-х гг. в ядерную державу: «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой» (У. Черчилль). В годы кристаллизации сталинской империи была действительно проведена культурная революция: ликвидирована безграмотность, создана мощная система высшего образования и фундаментальной науки³, произошло рождение многих ярких художественных феноменов – например, в новой для России кинематографической области. Это дает основание считать происходящее одной из форм модернизации. Однако, на наш взгляд, в данном конкретном случае определение происходящего должно быть скорректировано, и вот почему.

В литературе известен термин «ложная урбанизация» (в СССР его применяли по отношению к «третьему миру» – особенно к Латинской Америке), которым обозначают внешне высокий уровень градостроительства при запущенности и даже архаизме социальных форм жизни в таких городах. Именно такое положение было в сталинском СССР: внешне высокие темпы строительства промышленных объектов не только не отражались на экономической жизни страны в целом (уровень жизни в сравнении с приснопамятным 1913 годом неуклонно падал⁴), но и сочеталась с консервацией и даже регенерацией невероятно архаических норм жизни и общежития. Поэтому сталинская индустриализация, при всей ее масштабности, в интересующем нас плане не выдерживает сравнения даже с петровской модернизацией – потому что, несмотря на ряд схожих моментов, петровская парадигма развития определенными гранями соприкасалась с европейской практикой и способствовала модернизационным процессам. О сталинской модели развития этого сказать нельзя: здесь весь без исключения вектор эволюции был направлен против современных ему тенденций мирового социального, экономического и культурного движения. Общеизвестно, например, отношение сталин-

³ Правда, И. Ильин квалифицировал сталинскую научную и вузовскую систему как «полунауку» и обвинял ее в «подавлении самостоятельного мышления», в убивании «духа свободного исследования» // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. – М., 1993. – Т. 2. – С. 50–51, 53.

⁴ Как показывает статистика, если взять равную систему экономических и денежных координат, то по любым аналогичным профессиональным показателям (например, по разным категориям рабочих и инженеров) зарплата в советские годы упала в 10–20 раз по сравнению с «царскими» годами.

ского официоза к целым областям современной науки, полностью вычеркиваемых не только из социальной, но даже из собственно научной жизни (кибернетика, генетика, статистика) – подобной практики невозможно обнаружить ни в одной истории модернизации мира. Аналогия здесь может быть только с худшими формами средневековой схоластики, а также с практикой самоизоляции, проводившейся в Китае и Японии в XVII–XVIII вв., – т. е. с чисто средневековым либо азиатским опытом. Самая же главная аналогия возникает с московским средневековым периодом российской цивилизации: показательно, что хронотоп советской и московской модификаций российской цивилизации практически совпадает: в обоих случаях «праведная земля» окружена «неправедными землями», будь то «нехристи» (в Московии) или «капиталистическое окружение» (в СССР).

Надо сказать, что вопрос о характеристике трансформаций России в сталинскую эпоху (применительно к макропроблематике модернизации) уже неоднократно становился предметом дискуссий. Кратко можно констатировать наличие двух концептов по данной проблеме. Сторонники концепции так называемого «индустриального социализма» делают упор на технологических аспектах; с такого ракурса все происходившее в СССР в 30–50-х гг. однозначно трактуется как модернизация. В качестве критериев такого подхода констатируются: становление СССР как индустриальной державы; медленное, но стабильное повышение материального уровня жизни населения (к этому пункту мы вернемся ниже); сравнимые с западным миром параметры экономического и социального развития (все изложенные аргументы присутствуют в книге П. Бергера «Капиталистическая революция») [9. С. 18]. Но тот же П. Бергер отмечает в качестве имманентных для советского социума следующие черты: всепроникающую бюрократизацию, органическую связь между социализмом и экономической неэффективностью, между социализмом и антилиберализмом (в том числе – тоталитаризмом), политический патримониализм [Там же. С. 18–19]. Сторонники же либеральной трактовки модернизации (К. Виттфогель, В. Красильщиков, Т. Пиирайнен, А. Турен) оценивают сталинский модернизационный опыт как «контрмодернизацию», «антимодернизацию», «околомодернизацию» (все термины предложены А. Туреном и повторены В. Красильщиковым). По мнению последнего, сталинская «модернизация» была тупиковым вариантом развития, проигнорировавшим более перспективные и динамичные альтернативы, уже тогда внедрявшиеся на Западе (при этом В. Красильщиков признает, что «раннеиндустриальная модернизация» в сталинском СССР все же осуществилась) [Там же. С. 16]. Наиболее взвешенный концепт по данной проблеме предложил Т. Пиирайнен, охарактеризовавший происходившее в СССР как «псевдомодернизацию» (этот термин употребляет применительно к рассматриваемому феномену и В. Красильщиков) [Там же. С. 17]. По Т. Пиирайнену, патримониальные черты, типичные и для советского, и для досоветских вариантов отечественной цивилизации (де-факто – черты потестарной формации, «азиатского способа производства», по К. Марксу⁵), создавали не развитие, а его имитацию, давая по основным показателям, говоря словами финского ученого, «обратные результаты» [9. С. 17]. Н. Голик также квалифицирует происходившее в те годы как «модернизацию в кавычках» и «блокированное развитие» [2. С. 13]. Аналогичный вывод сделал и историк Л. Волков: по мысли последнего, в материальной и социальной жизни СССР имели место постоянные «эрзацы» известных в мире явлений и объектов [16. С. 164]. Таким образом, происходившее можно охарактеризовать как «псевдомодернизацию», где внешне «индустриализированные»

⁵ Т. Пиирайнен относил все сказанное не только к СССР, но и к императорской России (в первую очередь его наблюдение можно распространить на Петровскую эпоху).

формы скрывают типично архаизированную сущность (об архаике сталинской модели упоминает В. Паперный) [20. С. 66]. Стоит вспомнить предостережение В. Кемерова о том, что «преувеличенный интерес общества к модернизации средств деятельности порождает проблемы, ставящие под сомнение и прогресс, и модернизацию». Справедливо и замечание А. Зубова: «Невозможно говорить об успехе реформ... Сталина, если... в наш дискурс введен элемент аксиологии» [3. С. 250].

Далее. Если все предыдущие российские модернизации (в романовскую эпоху) векторно стремились к экономическому выравниванию укладов российской жизни и одновременно приводили к обогащению социальной стратификации российского общества (даже петровская модернизация, при всех ее противоречиях, в конечном историческом результате дала именно такой эффект), то сталинская эпоха дает картину совершенно противоположную. С одной стороны, официозом было деление общества на «рабочих» и «служащих», признание существования только двух классов – рабочих и колхозников. Интеллигенции в праве именоваться классом было отказано – что было замаскированной формой дискриминации⁶. Остальные же социальные группы вообще были, как тогда говорили, «ликвидированы как класс». То есть социальная структура общества искусственно спрямлялась и упрощалась – даже вопреки реальности. С другой стороны, в стране – вопреки официально заявляемому построению социализма⁷ – сосуществовали чуть ли не все упомянутые Марксом «общественно-экономические формации» в основных своих элементах, т. е. в стране на практике господствовала крайняя многоукладность. В СССР соседствовали следующие системы: «социализм» (в виде формально бесплатных – хотя и низкокачественных – услуг в социальной сфере и официального запрета на частную собственность и рыночную экономику), «капитализм» (реально существующий рынок – в том числе в виде теневой экономики), «феодализм» (отношения внутри властной вертикали удивительно и гротескно напоминали «феодальную лестницу»), «крепостное право» – прописка в городах и статус колхозников на селе⁸ (по определению А. Зубова, «сталинское общество – это общество гипертрофированного и абсолютно уже неправового крепостного права») [3. С. 268], «рабовладение» (система ГУЛАГа) и, наконец, «азиатский способ производства» (потестарная формация) – значительная часть государственных работ выполнялась населением бесплатно, в порыве энтузиазма (или принудительно). «Азиатская» система и составляет сердцевину сталинской социально-политической модели⁹: М. Чешков прямо назвал сталинскую политическую систему «превращенной азиатчиной» [6. С. 60]. И Ильин даже считал предельное огосударствление *главным* признаком любого социализма, а С. Франк добавил к этому самую кардинальную черту архаизированных социумов, имманентно присущую сталинскому СССР – «вся жизнь личности... безраздельно подчинена государству» [18. С. 142]. Де-факто произошла натуральная реанимация описанной К. Марксом, В. Ключевским, М. Вебером (а в наши дни – А. Ахиезером) потестар-

⁶ Все логично, поскольку понимание классов в СССР принималось исключительно в догматическом и прямолинейном понимании Маркса (формулировки М. Вебера и Т. Парсонса, по которым интеллигенция обязательно считалась бы классом, в СССР не только не применялись, но вообще не были известны).

⁷ Очень показательно, что в своем знаменитом разоблачительном письме к Сталину Ф. Раскольников ставил вождю в вину именно объявление о построении социализма в СССР.

⁸ А. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» вспоминал: «"ВКП(б)" в лагерях расшифровывали не иначе как "Второе крепостное право большевиков"».

⁹ Не случайно в СССР Маркса подвергли «вивисекции» именно в этом пункте – в списке общественно-экономических формаций в советских учебных пособиях за «первобытно-общинным строем» сразу шел «рабовладельческий»...

ной формации – т. е. древне- и средневековых, домодернизационных реалий; данное обстоятельство также можно считать убедительным аргументом в пользу антимодернизационного, архаизированного характера советского социума в 30–50-х гг.¹⁰ Перед нами характерная картина «гибридного общества», «химеры» (по типологии Л. Гумилёва), которое само по себе не может быть устойчивым и стабильно жизнеспособным – что и подтвердилось общеизвестным фактом: тоталитарная империя «Иосифа Грозного» как цивилизационно-культурный феномен пережила своего создателя всего на 35 лет (а в своих фундаментальных, «классических» чертах – не пережила вовсе).

Теоретическое наследие марксизма в сталинском СССР претерпело характерную трансформацию, превратившись в самую настоящую религию, со всеми атрибутами последней. Такая трансформация была в значительной степени сознательной со стороны коммунистического официоза и даже давно ожидавшейся – П. Тольятти еще в 20-х гг. писал о «религиозном сознании, могущем стать стимулом движения к социалистической модели» [12. С. 132]. Данный вывод был уже достаточно давно сделан двумя крупнейшими протестантскими философами XX века – П. Тиллихом и Р. Нибуrom. Оба мыслителя, независимо друг от друга, в своих трудах «Теология культуры» (П. Тиллих) и «Христос и культура» (Р. Нибуr) отметили: советская идеологическая система обладает всеми чертами религии, и притом откровенно скопирована с «библейской матрицы» (разумеется, в искаженно-перевернутом виде). Идея Бога – коммунизм, в который надо верить не рассуждая («Бог» здесь явно конфуцианско-буддийский, безличный – в отличие от библейского личностного Бога); «классики марксизма» как пророки и «герои революции» как святые мученики, вождь как Мессия; своего рода «Троица» – в СССР ее состав менялся четырежды: Маркс–Ленин–Троцкий, Маркс–Ленин–Сталин, Маркс–Сталин–Ленин (в данном случае важен порядковый номер), а уже в брежневскую эпоху – Маркс–Энгельс–Ленин. Продолжая аналогию, философы отмечали наличие характерных ритуалов, прямо воспроизводящих церковную обрядность (демонстрация – крестный ход, партийный съезд – богослужение, знамя – хоругвь, портреты вождей – иконы), «Святого Писания» (труды классиков марксизма и вождей), борьбы с еретиками (с оппортунизмом); наконец, самое кричащее – мумифицирование «отцов-основателей» и возведение им мавзолеев. Последнее – чистой воды язычество; и вообще коммунизм, как и фашизм, с точки зрения культуры есть ренессанс неоязычества, о чем в свое время говорил в Нобелевской лекции А. Солженицын; до него вывод о «русском коммунизме» как о результате неизжитого язычества сделали в эмиграции о. Г. Флоровский и о. А. Шмеман. Н. Бердяев говорил о парадоксальной «религиозности» «русского социализма», о том, что «его притязания подобны притязаниям Церкви»¹¹ и что вульгаризированные советские марксисты есть законченные язычники [1. С. 123].

Эти выводы были во второй половине XX века дополнены и конкретизированы. «Атеизм теологичен» [19. С. 500–501], – едко заметил А. Глюксман, подчеркивая религиозно-догматический характер коммунистического мышления. «Пусть

¹⁰ При этом – в отличие от деспотических систем прошлого – «никогда не было деспотизма, который, используя свою неограниченную власть, так принципиально-цинически апеллировал бы только к своему собственному господству» (С. Франк), не имел бы никакой сакральной или (тем более) правовой санкции [18. С. 141].

¹¹ Возникло и нарастало такое положение не в одночасье. Прообраз сталинского неоязычества можно найти уже в богоискательско-богостроительских опытах Горького и Луначарского: последние даже сочинили (в известной школе на Капри) следующий текст «молитвы для рабочих» – «Отче наш, рабочий класс! Да святится имя твое, да придет царствие твое, да будет воля твоя!» Вполне по Бердяеву, квалифицировавшему большевизм как «мессианство с религиозными притязаниями», с трактовкой «пролетариата» как нового избранного народа-Мессию.

расцветают 100 цветов дискуссии (слова Мао Цзэдуна. – Д. С.) – при условии, что обрабатывается все тот же сад, сад единого Текста, т. е. того способа существования Власти, без ссылки на который не функционирует ни одна правящая элита» [19], – продолжает французский философ, издеваясь над псевдодемократизмом маоистской ипостаси тоталитаризма (и подметив при этом «игру во всенародность» как родовую черту всех тоталитаризмов). «Для марксистов существует лишь одна истина, а потому быть терпимым к инакомыслию они не считают нужным – это... кладет конец их приятному, но мнимому чувству превосходства» [12. С. 696], – убийственно констатировал П. Фейерабенд. М. Хоркхаймер поставил точный диагноз: «Модель партии (ленинского типа. – Д. С.)... по мере реализации стала напоминать секту» [Там же. С. 568]. Ему вторит Луиджи Пелликани, назвавший ортодоксальный марксизм «разновидностью склеротической светской теологии, жесткие догмы которой абсолютны и обязательны для верующих» [Там же. С. 539]. Л. Альтюссер, подмечая догматическое окостенение марксизма, назвал его «антигуманизмом» и «антиисторизмом» [Там же. С. 568], а Р. Гароди обвинил в псевдорелигиозности марксизма Ленина, Сталина и Брежнева [Там же. С. 546] и назвал действия КПСС «интеллектуальной инквизицией» [Там же]. Г. Маркузе отмечал *магический* характер советской идеологии – «это не столько ложное сознание, сколько сознание фальшивой объективности» [Там же. С. 571], а «святая святых» коммунистической «науки» – диалектический материализм – квалифицировал как «убогую схоластику и жесткую теологию» [Там же]; почти идентично – «негативной теократией» – назвал интересующий нас феномен Е. Рашковский [6. С. 60]. Наконец, К. Поппер, восхищаясь Марксом как социологом, одновременно определил его как «*фальшивого пророка*» [12. С. 676] (откровенно отсылая описываемый феномен к религиозным реалиям). Да и сам Сталин, как известно, любил сравнивать ВКП(б) с Орденом меченосцев.

Такое тотальное внедрение неорелигии (причем в своем явно дохристианском и даже добиблейском понимании) было бы невозможным без массивного духовного насилия, по матрице хорошо известных в психологии механизмов – психического заражения и зомбирования. По словам М. Малиа, «партия начала дотолле небывалый в истории поход по обеспечению населения единственно верным мировоззрением – так что тот период вполне заслужил название "рождения государства пропаганды"¹². Мир был разделен по-манихейски на друзей и врагов, и все текущие события – как внутри страны, так и за рубежом – пропускались через призму классовой борьбы» [11. С. 72] (В. Житенев в этом ракурсе анализирует «Поднятую целину» М. Шолохова и справедливо показывает характер и поведение Макара Нагульнова как результат целенаправленного и тотального зомбирования. – Д. С.). Эти новые категории затем вбивали в массовое сознание с помощью ежедневной прессы, кино, а затем еще более вездесущего радио... Никогда ранее в мире «культуры» не бывало ничего столь масштабного и столь тотального. Но эта новая лексика... была жизненно необходима для поддержания власти режима. И потому идеологическая партократия одновременно была логократией: и как таковая она являла единое целое с монополистической структурой новой монолитной системы. Без этих логократических чар система не могла бы функционировать» [8. С. 198–199].

Знаковым явлением сталинской эпохи стал «социалистический реализм», представлявший собой чистейшей воды неорелигиозную мифологию. Для нашей темы все это имеет то значение, что – особенно по сравнению с предыдущей практикой Серебряного века – явственен резкий культурный откат и примитиви-

¹² Выражение британского историка Д. Лэндса.

зация духовной жизни (т. е. опять ярко выраженные антимодернизационные процессы)¹³. Явление это – не сугубо советское: целый ряд европейских философов XX века (Г. Зиммель, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет) констатировали нарастающую *пролетаризацию* жизни и культуры, подразумевая агрессивное вторжение вкусов и социального заказа «человека-массы» как симптом кризиса европейской цивилизации. Но в советских условиях все описанное приобретало особенно «гомерические» формы: Г. Киселев в связи с этим пишет о торжестве псевдокультуры в сталинском социуме [6. С. 59]. В этом была своя этатистская логика: полная монополия данного состояния блокировала механизмы культурных конфликтов, создавая эффект *иллюзии* культурной бесконфликтности. Зато в послесталинские годы (по принципу «угол падения равен углу отражения») состояние культурной конфликтности и «гибридизация» социума будут нарастать как снежный ком.

Наконец, последнее. В плане государственном сталинский СССР представлял собой явление принципиально новое в истории российского этатизма. В 30-х гг. структурировалась идеократическая империя, внешне закамуфлированная под федерацию демократических республик. Сам факт строительства такой государственной структуры означал, во-первых, полный фактический разрыв с марксистской традицией, где декларируется отмирание государства по мере продвижения к коммунизму, и даже с ленинским наследием (как известно, самая фундаментальная работа Ленина на эту тему – «Государство и революция» – написана с почти откровенно анархистских позиций, прямо противоречащих всему тому, что в действительности происходило в СССР в 20–30-х гг.). В противовес Марксу и Ленину, Сталин формулирует принципиальную возможность и даже необходимость построения социализма в одной, отдельно взятой стране – при декларативной верности марксизму в целом. Кроме того, сам характер сталинской империи даже отдаленно не напоминал ничего похожего на хотя бы тенденцию к отмиранию государства: «коммунизм принял в России форму крайнего этатизма» (1. С. 117). А во-вторых, сохраняя на вооружении главную посылку ленинской модификации Маркса – необходимость мировой революции, – Сталин принципиально меняет ее содержание. Для Ленина проблема, откуда конкретно начинать мировую революцию, просто не стояла – начали в России исключительно потому, что там в 1917 г. «процесс пошел»: Россия была «слабым звеном». Для Сталина мировая революция понималась только как завоевание мира силами управляемой им коммунистической империи с центром в Москве. То есть перед нами явление новое и по отношению к ленинской утопии, и по отношению к государственной практике эпохи Романовых. Новизна данного явления проистекает из предельно архаизированного, чуть ли не к реалиям Древнего мира восходящего, характера сталинской государственности. Даже упомянутая идеократия есть почти идеально скопированная с древнеегипетского или ассирийского прообраза¹⁴ модель. Отсюда и резкое изменение официальной идеологии в 30-х гг., когда на смену идеям интернационал-социализма де-факто пришли патриотическо-шовинистические идеи, в типично неославянофильском преломлении – квинтэссенцией стали семантическая и текстовая концепция государственного гимна СССР в первом и втором своих вариантах. В этом неославянофильстве культивировались самые одиозные черты славянофильской доктрины – то, что Е. Трубецкой еще в Серебряном веке квалифицировал как «языческий национализм». Точной констатацией является утверждение А. Зубова, что сталинская идеократия строилась на мимикрии и выхолащивании традиционных русских культурных ценностей [3. С. 266] – при одновременной

¹³ С. Франк предсказывал резкую примитивизацию и «варваризацию» культуры «новой России» еще в 20-х гг.

¹⁴ О. Мандельштам, как известно, называл Сталина «ассирийцем».

практике уничтожения таковых в их подлинном виде. В. Лапкин отмечал, что «советский период (имеется в виду описываемый временной отрезок. – Д. С.) произвел многочисленные непоправимые разрушения в культуре, духовности, ментальности, системе ценностей россиян» [Там же. С. 202]. По мнению Бердяева, сталинский режим «перерождается в своеобразный русский фашизм. Ему присущи все особенности фашизма: тоталитарное государство, государственный капитализм, национализм, вождизм и, как базис, – милитаризованная молодежь» [1. С. 120]. Вряд ли можно считать фашизм примером модернизации (тем более успешной), особенно учитывая аксиологическую составляющую.

Таким образом, можно констатировать следующее. Перед нами уникальный пример противоречивой квазимодернизации, при котором промышленный рывок и выход в новое индустриальное качество и культурная трансформация (эти процессы несомненны) сопровождается системным и комплексным регрессом в большинстве остальных областей социальной, политической, экономической и культурной жизни. Подобное явление беспрецедентно в российской истории и является ярчайшим свидетельством того, как объективные негативные факторы в сочетании с субъективной волей исторической личности могут породить «зигзаг истории». (Н. Бердяев и С. Франк в своих работах 20-х гг. указали и главную причину возможности подобной историко-цивилизационной пертурбации: духовно-этическая импотенция, бессодержательность идей «социалистической революции», преобладание в них негативного пафоса: «строители большевистской сверхдержавы питались не плавно наращиваемой энергией созидания, а взрывной энергетикой отчаяния, мести, реванша; великое государство питалось демоническими энергиями, предопределившими конфликт с миром» [5. С. 241].)

Характерно, что в ряде публикаций весь вышеописанный период (с 1917 года) определяется как «революционно-деформационная модернизация» [13. С. 63]. Здесь чрезвычайно точно подмечен «революционно-деформационный» – т. е. деструктивный – характер всего происходящего, матрица развития раннесоветского общества как принципиального разрыва исторической преемственности (явление, общее для всех смен цивилизационных состояний в России) и тотальной деформации макросоциума. При этом на уровне тактическом коэффициент полезного действия подобного режима может оказаться (на достаточно кратковременном временном отрезке) весьма высоким – в способности к сверхмобилизации, что и показала Вторая мировая война. Но в плане стратегическом, на достаточно протяженных исторических дистанциях – даже в пределах тех нескольких десятилетий, которые история отвела советскому периоду отечественной цивилизации – тоталитарная модель неотвратимо должна была проявить свои деструктивные, энтропирующие качества, что и произойдет в самой близкой исторической перспективе.

Литература

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М. : Наука, 1990.
2. Голик Н. В. Проблемы модернизации России // Философские науки. – 2003. – № 11.
3. Западники и националисты: возможен ли диалог? / сост. А. Трапкова. – М. : ОГИ, 2003.
4. Зборовский Г. Е. Общая социология. – Екатеринбург : Изд-во ГУ, 2003.
5. Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России: циклы модернизационного процесса. – М. : Изд-во МГУ, 1996.
6. Киселёв Г. С. Человек. Культура. Цивилизация на пороге III тысячелетия. – М. : Восточная лит. РАН, 1999.
7. Культурология : учебник / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. – М. : Юрайт-Издат, 2005.
8. Малия М. Советская трагедия. – М. : РОССПЭН, 2002.
9. Между прошлым и будущим: социальные отношения, ценности и институты в изменяющейся России : материалы Международной научно-практической конференции Гу-

манитарного ун-та (Екатеринбург, 17–18 мая 2005 г.) : в 2 т. – Т. 2. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2005.

10. Основы социологии и политологии / под ред. проф. А. О. Бороноева, проф. М. А. Василюка. – М. : Гардарики, 2003.

11. Разум власти прирастает наукой. Интеллектуальный портрет ведущих ученых Уральской академии государственной службы. – Екатеринбург : Изд-во Урал. акад. гос. службы, 2001.

12. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Т. 4. – СПб. : Петрополис, 1994–1996.

13. Российская цивилизация : этнокультурные и духовные аспекты : энциклопедический словарь / под ред. М. П. Мчедлова. – М. : Республика, 2001.

14. Русское зарубежье: власть и право. – Л. : Лениздат, 1991.

15. Смелзер Н. Социология : учеб. пособие для вузов. – М. : Феникс, 1998.

16. Стариков Е. Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004.

17. Федотова В. Г. Плюсы и минусы «догоняющей модернизации». – М., 1998.

18. Франк С. Русское мировоззрение. – СПб. : Наука, 1996.

19. Хрестоматия по истории философии. Западная философия. От Шопенгауэра до Дерриды : в 3 ч. – Ч. 4 / отв. ред. Л. А. Микешина. – М. : ВЛАДОС, 1997.

20. Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве / отв. ред. Н. А. Хренов. – М. : Наука, 2004.

21. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М. : Аспект Пресс. 1996.